

СКАЗКИ-
МАЛЫШКИ
НИКА
СВЕТЛОВА
2

Ника Светлова

Сказки-малышки. Сборник 2

<https://litres.ru/74312839>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эй, читатель, не проходи мимо! Я — страж Сказок-малышек, и я точно знаю, тут живут самые уютные истории на свете! Для малышей — про храбрых героев и смешные чудеса, а для взрослых — про то, что даже самое маленькое доброе дело может стать началом большого приключения. Открой страничку и увидишь, что чудеса уже ждут!

Содержание

Морковный спор	5
Как принцесса дракона перевоспитывала	8
Неколючий ёжик	11
Сказка о красном дракончике	14
Белая ворона	17
Лампочка	20
Что милее всего на свете?	22
Страшная сказка	25
Кривое зеркало	28
Баланс	31
Чихуахуа Софа	34
Молодильное яблочко	37
Обида	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ника Светлова
Сказки-малышки.
Сборник 2

Морковный спор

В одном огороде, на самой обычной грядке, жила Морковка. Была она не простая, а очень-очень длинная и жутко любопытная.

Каждое утро она выглядывала из земли и спрашивала соседку-Редиску:

— Слушай, а что там, глубже?

Редиска, существо круглое и домоседское, отвечала:

— Темнота там. Сиди уже.

Но Морковка не унималась. Ей казалось, что настоящие приключения ждут не наверху, где солнце, а внизу, в таинственных недрах. И однажды, набравшись соку, она как рванет вглубь!

Росла, извивалась, пробиралась сквозь глину, червяков и камешки. Три дня и три ночи она стремилась к центру Земли. Наконец, уперлась кончиком во что-то твердое, теплое и гладкое.

— Эй, прием! — пискнула Морковка и постучала. — Я первооткрыватель!

Твердое зашевелилось, и глухой голос ответил:

— Вообще-то, это мой затылок.

Оказалось, что с другой стороны земного шара, где-то в жаркой Африке, росла точно такая же любопытная Морковка. Только навстречу. И теперь они столкнулись макушками ровно в ядре планеты.

Две недели они спорили, кто из них глубже прокопал. Аф-

риканская Морковка утверждала, что она, ведь идти вверх по глобусу сложнее. Наша кричала, что та вообще висит вниз головой и это вообще не считается.

Пока они ссорились, их ботва на поверхности перепуталась в радиосигнал. Бабушка с одной стороны Земли надела наушники и услышала вместо радио: «Ты сама кукурузина переросток!».

В итоге, на спор их выдернули одновременно два огородника. Бабушка из России и дедушка из Танзании сели на грядки от неожиданности.

Так пропали две самые длинные морковки в мире. Но легенда говорит, что в центре Земли осталась их встреча, и теперь, когда вы едите морковку и она хрустит, это не просто хруст — это эхо того спора, который до сих пор не закончен.

Как принцесса дракона перевоспитывала

В одном королевстве, где всё шло кувырком, жила прин-

цесса Маргарита. Была она решительная, как трактор, и красивая, как закат над полем пшеницы. И как положено принцессе, её похитил дракон.

Дракон был классический. Трехглавый с чешуёй, которая жутко скрипела при ходьбе. Звали его Гоша. Он утащил Маргариту в пещеру, усадил в уголок и приготовился страшно рычать.

— Ну, — сказала Маргарита, оглядывая пещеру. — И долго ты тут живёшь?

Гоша опешил. Средняя голова уже набрала воздуха для рёва, но левая растерянно сказала:

— Лет двести, а что?

— А то, — принцесса ткнула пальцем в паутину, — что у тебя тут бардак. Кости не убраны, факелы криво висят, а от тебя несёт дымом, как от пепельницы.

Правая голова обиделась, левая засмушалась, а средняя забыла, что хотела рычать.

— Я вообще-то страшный дракон! — напомнил Гоша. — Меня бояться положено!

— Ага, конечно, — кивнула Маргарита. — Давай, бойся меня. Я тебе сейчас тут такой график уборки составлю... взвоешь!

К вечеру пещера была выметена, кости сложены аккуратной пирамидкой, а Гоша сидел и пил чай с ромашкой, потому что принцесса сказала, что от дыма у неё аллергия.

На следующий день прискакал принц Эдуард. Такой кра-

сивый, в блестящих доспехах, с мечом наперевес.

— Я спасу тебя, Маргарита! — крикнул он, врываясь в пещеру.

Гоша лениво приоткрыл один глаз.

— Маргарита, там к тебе какой-то железный пришёл.

Принцесса вышла, уперев руки в боки.

— Эдик, ты зачем приехал?

— Как зачем? — растерялся принц. — Спасать!

— От кого? От Гоши? Он со вчерашнего дня на диете и боится мышей. Ты бы лучше сходил в деревню, там людям крыша на амбаре нужна, а ты всё с мечом скачешь.

Принц обиделся, но в амбар сходил. Вернулся через три дня, уставший, но довольный. Оказалось, что крыши чинить ему нравится больше, чем махать мечом. Открыл в деревне мастерскую и стал лучшим кровельщиком королевства.

А Маргарита осталась в пещере. Не потому что в плену, а потому что открыла там филиал королевской академии. Гоша стал завхозом (три головы идеально для многозадачности), окрестные драконы ходили на курсы хороших манер, а король с королевой приезжали раз в месяц на чай.

Кстати, мыши, которых боялся Гоша, в итоге с ним подружились. Жили у него за ухом и по вечерам рассказывали свежие сплетни.

Вот так и вышло, что страшный дракон стал лучшим завхозом, принц кровельщиком, а принцесса Маргарита ректором. И все были счастливы. А чего ещё надо?

Неколючий ёжик

Жил-был в лесу ёжик по имени Шуршун. Иголки у него были с мягкими наконечниками, как у массажной щётки. Ба-

бушка-ежика охала, мол, вся его доброта наружу проступила. Не мог он никого уколоть, и всё тут.

Звери, понятное дело, посмеивались. Бельчата орехами в него кидались с криком: «Ёж-подушка!» Даже старый филин, пролетая мимо, бывало ухнет с усмешкой. Шуршун на это только вздыхал и брёл в самую чащу леса. Там он возился с примятой травой, гладил мох, успокаивал жуков, которые из-за росинки поссорились. Ему было нужно заботиться о ком-то. Просто так, не для похвалы.

А потом случилась беда. Медвежонок полез в терновник за мёдом, да и застрял. Колючки впились в кожу, да так глубоко, что ни туда ни сюда. Ревел малыш на весь лес. Сбежались звери. Медведица лапой пыталась ветки раздвинуть, только лапу исколола. Волк зубами взялся, пасть поранил. Стоят все, смотрят, а помочь не могут.

И тут из-за кустов вышел Шуршун. Тихий, маленький, со своими смешными мягкими иголками. Никто даже заметить его не успел, а он уже в терновник пробрался. Иголочки у него между колючками так и скользят — не цепляются. Добрался до медвежонка и давай лапками работать. Где пригладит, где распутает, где почешет за ушком, чтобы малыш не боялся. Всю ночь возился.

К утру вывел медвежонка из кустов целого и невредимого. Тот к мамке прижался и засопел спокойно.

Звери молчали. Бельчата орехи свои растеряли. А медведица подошла к Шуршуну, лизнула его в нос и сказала:

— Спасибо тебе, Шуршун. Не знаю, что мы без тебя делали бы.

Ёжик только плечами пожал, смутился, поправил свои мягкие иголки и тихо побрёл к себе. Но с того дня никто в лесу над ним больше не смеялся. А если кому-то становилось больно или грустно, сразу говорили:

— Сходи к Шуршуну. Он поможет.

Потому что у него не просто иголки были особенные. У него сердце было такое.

Сказка о красном дракончике

Сказка о красном дракончике

Кеша был красным дракончиком. Ну совсем красным. Как помидор. Как пожарная машина. Как щёки у перво-

классника на утреннике. И всё бы хорошо, но рычать Кеша не умел.

Набирал воздух, надувался, глаза таращил, но вместо рыка вылетало тоненькое «И-и-ик!». Икота. Да ещё с дымом из ноздрей и молниями из ушей.

Брат говорил: «Ты позор семьи».

Сестра вздыхала: «Лучше бы ты не вылуплялся».

И Кеша ушёл. На дальнюю гору. Один.

Сидел там, пускал дымные колечки и грустил.

А внизу, в фейском саду, стажировалась Виолетта. Фея начинающая. Чудеса у неё выходили не очень. Огурцы, например, мёрзли. Заморозки шли, а греть нечем.

Виолетта поднялась на гору за советом к ветру. Увидела Кешу. Тот как раз икнул и из уха молния вырвалась, из носа дым повалил.

— Ого, — сказала Виолетта. — Ты тёплый.

— Икаю я, — буркнул Кеша. — Не рычу. Не страшный.

— А мне страшный не нужен. Мне грядки греть надо. Пошли.

Кеша пошёл. Встал у грядок. Икнул раз, другой, третий. Дым согрел землю. Молнии удобрили почву. Огурцы попёрли, прям хоть собирай, хоть прячься.

Через неделю весь сад был в огурцах.

Через две Кешу попросили в соседнее королевство. Там баклажаны хирели.

Через месяц он уже не успевал. Вся родня приползла ми-

риться.

— Некогда, — сказал Кеша. — У меня грядки. Приходите в среду. Среда у меня выходной.

Мораль (если вдруг кому-то надо): каждый икает по-своему. И иногда эта икота спасает целый сад!

Белая ворона

Жила-была Белая Ворона, и всё у неё было хорошо. Она научилась вязать оригинальные шарфики, и они пользова-

лись спросом. Стая её уважала.

Но однажды в их лес приехала фотосессия журнала «Лесной Гламур».

Главный редактор, очень важный Павлин по имени Амадеус, раздражённо кричал:

— Скучно! Серо! Где фактура?! Где свежее лицо?! Мне нужна модель, а не эти белки в хвостах-метёлках!

Тут его взгляд упал на Белую Ворону, которая как раз вешала сушиться вязанные носочки на куст сирени.

— Маэстро, вы только посмотрите, — прошептал ассистент-Попугай, — белоснежное оперение, графичный силуэт, интеллектуальный изгиб клюва... Это же новая Твигги!

— Боги! — выдохнул Павлин и упал в обморок прямо в лопухи.

Белую Ворону отмыли в трёх водах (хотя она и так была чистой), причесали клюв и надели на неё что-то серебристое. Она стояла перед камерой и не понимала, куда девать крылья.

— Кар? — неуверенно спросила она.

— Божественно! — завопил Павлин, приходя в себя. — Эта естественность! Эта простота! Ещё раз этот звук! Всё, ты на обложке!

Так Белая Ворона стала главной сенсацией сезона. Обложка «Лесного Гламура» с заголовком «БЕЛИЗНА КАК МАНИФЕСТ» разошлась тиражом, какого не видели со времён «Колобок Weekly».

На Неделю Моды в Большом Овраге съехался весь лесной бомонд. Лисы щеголяли в эко-мехах, Еноты красовались в полосатом тотал-луке, даже Крот пришёл в очках «муха» и утверждал, что он байер.

Но когда на подиум вышла Белая Ворона, зал ахнул.

Она просто шла. Не в такт музыке. Один раз споткнулась о собственную тень. Но все говорили:

— Ах, этот деконструктивизм! Этот вызов гравитации!

А один Заяц-модный критик, вытирая слёзы, писал в блокнот: «Она не идёт — она ставит под сомнение саму идею ходьбы».

Довольно быстро Белая Ворона устала от славы. Она вернулась в родной лес в своих старых тёмных очках и с контрактом на коллекцию авторских шарфов. Старейшая Ворона встретила её на нижней ветке:

— Ну что, зазналась, небось?

— Да нет, — вздохнула Белая Ворона, снимая очки. — Там, в мире моды, все хотят быть на кого-то похожими. А тут хоть и ворчали, но я была сама собой.

Она сняла серебристый наряд, надела вязаный шарфик и пошла пить чай с ромашкой.

А Ворон-Спортсмен ещё долго ходил по лесу в тёмных очках и говорил всем:

— Я её троюродный брат. Не узнали? То-то же.

Лампочка

Лампочка

Жила-была Лампочка. Лежала она в кладовке, в пыльной коробке, и тихо грустила. Рядом скучали старые банки с ва-

реньем и сломанный будильник, который уже никуда не спешил.

— Кому я нужна? — вздыхала Лампочка. — Я даже не горю.

Однажды в доме перегорела лампа в коридоре. Хозяйка пошла в кладовку, порылась на полках и взяла Лампочку. Вкрутила в патрон, щёлкнула выключателем и ничего. Тьма.

— Наверное, тоже перегорела, — вздохнула Хозяйка и ушла.

Лампочка чуть не заплакала. Оказывается, всё это время в коробке у неё разболтался цоколь. Чуть-чуть контакта не хватало.

Ночью в коридор пробрался Паучок. Он плёл паутину, зацепился лапкой за Лампочку и чуть повернул её. Щёлк и вспыхнул тёплый жёлтый свет.

— Ой! — испугался Паучок. — Простите, я нечаянно!

— Ничего страшного, — улыбнулась Лампочка. — Спасибо тебе. Я думала, что никогда не пригожусь. А ты взял и повернул.

С тех пор каждый вечер Лампочка зажигалась и освещала коридор. Хозяйка радовалась, что не выбросила её. Паучок плёл паутину при свете и считал Лампочку своей лучшей подругой.

Как же важно, чтобы кто-то в тебя поверил. Даже если этот кто-то — маленький паучок.

Что милее всего на свете?

Жил на свете маленький Медвежонок Тёпа. И каждый день он приставал к маме с одним вопросом.

— Мама, а что на свете милее всего?

Мама-медведица перебирала банки с мёдом и отвечала:

— Мёд, конечно.

Тёпа пробовал мёд. Вкусно, но душа молчала. Тогда он пошёл к Зайцу.

— Заяц, что милее всего?

Заяц сиял, обнимая морковь.

— Морковка! Хрустит и радуется!

Тёпа откусил. Хрустко, но внутри пусто.

Встретил Ежа. Тот катил гриб размером с самого себя.

— Ёж, а что милее?

— Гриб! — Еж пыхтел. — Соберу и никого не пускаю.

Тёпа понюхал. Душисто, но холодно.

Вернулся он домой уставший, лёг на траву и уставился в небо. Мимо пролетела Белка.

— Чего нос повесил?

— Милого не нашёл, — вздохнул Тёпа.

— Закрой глаза и представь, где тепло, — сказала Белка.

Тёпа закрыл глаза и вдруг почувствовал мамину шерсть, её дыхание у самого уха, запах малины с её лап и тишина, в которой он был маленьким и безопасным.

Он вскочил и побежал к маме.

— Я понял! Милее всего — это когда ты рядом!

Мама прижала его к себе и ничего не сказала. Просто погладила по голове.

И Тёпа больше не искал милое вокруг. Он шёл домой, где

его ждали и где ему всегда были рады.

Страшная сказка

В одном доме жила девочка. Мама сказала ей:
— Никогда не открывай дверь, если услышишь, как я зову

тебя с улицы. Я всегда вхожу сама.

Однажды вечером, когда мама задержалась на работе, девочка слышала стук. Стекло задрожало от знакомого, родного голоса:

— Доченька, открой. Я руки заняла, ключ не могу достать.

Голос был точь-в-точь мамин. Девочка уже взялась за замок, но вспомнила наказ. Она встала на цыпочки и глянула в дверной глазок.

На крыльце стояла темнота. Не фигура в темноте, а сама тьма, плотная, как черный бархат. И у этой тьмы было перевернутое лицо, рот на месте лба. Рот открывался и говорил маминым голосом:

— Я же знаю, что ты смотришь. Открой немедленно.

Девочка отшатнулась, сердце колотилось в горле. Она зажмурилась и зажала уши ладонями, но голос проникал сквозь пальцы, становился громче, требовательнее.

Через час хлопнула калитка. Торопливые шаги, звон ключей, щелчок замка. Мама. Вспотевшая, уставшая, настоящая.

— Ты умница, что не открыла, — сказала мама, обнимая дочь.

Ночью девочка не могла уснуть. Ей казалось, что кто-то дышит в замочную скважину. Она спустила ноги с кровати, подошла босиком к двери и зачем-то снова глянула в глазок.

Там, прижавшись огромным глазом с крошечной точкой зрачка, стояла темнота.

И глазок был с той стороны.

Кривое зеркало

В старой шкатулке, среди пустых катушек и сломанной брошки, лежало зеркальце в медной оправе. Оно было кри-

вое. Вытягивало носы, округло щёки и делало глаза чуть больше, чем они есть на самом деле. Раньше его за это любили, ведь оно льстило. Но мода прошла, хозяйки состарились и перестали верить искажениям. Зеркальце забросили.

Оно грустило и от скуки начало искажать всё сильнее. Отражало потолок волнистым, солнечных зайцев ломаными, а если в него смотрели, то вместо лица появлялось нечто округлое и растерянное.

— Я ни на что не годно, — шептало зеркальце. — Даже врать разучилось правдоподобно.

Однажды в комнату забежала девочка. Ей было лет пять, и она искала мамину помаду. Она открыла шкатулку, увидела зеркальце и поднесла к носу.

В зеркальце отразилось нечто смешное. Нос картошкой, уши на уровне глаз, рот съехал к подбородку.

Девочка не испугалась. Она засмеялась.

— Это я? Какая я смешная!

Она скорчила рожицу и искажение стало ещё нелепее. Девочка захохотала громче, позвала брата, и они полчаса корчили друг другу лица через кривое зеркальце.

Они не искали в нём правды. Они искали повод посмеяться.

Когда они убежали, зеркальце осталось лежать на ковре. Оно смотрело в потолок и думало:

«Я столько лет боялось, что меня выбросят за то, что я неправильное. А оказалось, что правильность — это когда

ты кому-то нужен таким, какой есть. Я не умею показывать точные лица. Но я могу показывать лица, которые хочется целовать и обнимать. И это не хуже. А может, даже лучше».

Зеркальце больше не пыталось стать ровным. Оно лежало на ковре, и в нём отражалась смешная волнистая люстра.

Каждое утро девочка брала его с собой в кроватку, строила рожицы и начинала день с хохота. А зеркальце думало: «Пусть я кривое. Зато я — самое любимое искривление в этом доме».

Баланс

В доме номер пять по улице Березовой жил домовый Кузя. Не классический, с метелкой и в лаптях, а современный:

в клетчатых тапочках и с планшетом. Правда, планшет был сломанный, но Кузя носил его с важным видом.

Проблема Кузи была в том, что он был идеальным домовым. Слишком идеальным. Он раскладывал носки по цветам, мыл посуду до скрипа и сворачивал туалетную бумагу пирамидками. Хозяева, семья Петровых, сначала радовались, а потом начали сходить с ума.

Папа кричал, что хочет разноцветные носки, а не серые. Мама недоумевала, почему ее любимая кружка всегда стоит строго в центре стола. Маленький Миша требовал назад свою футболку с динозавром.

Кузя обиделся. Спрятался за стиральной машиной и три дня ничего не делал. Наступила тишина. Горы посуды заполнили раковину. Носки валялись на люстре, потому что Миша решил поиграть в ковбоя. Беспорядок достиг пика.

Однажды ночью Кузя услышал разговор Петровых на кухне. Мама вздыхала и говорила, что они скучают по домовому, пусть даже он немного перестарался с порядком. Папа соглашался, а Миша добавил, что без Кузи даже чай невкусный.

Кузя растрогался до слез. Вылез из-за машины, отряхнул тапочки и решил стать домовым-умеренным. Одни тапки он теперь складывал аккуратно, а другие разбрасывал. Одну кастрюлю вымывал до блеска, а вторую оставлял грязной.

Утром Петровы проснулись и ахнули. Идеальный полубардак. Порядок чувствовался, но живое беспокойство тоже

осталось. Все были счастливы.

Теперь Кузя сидит на теплой батарее, пьет чай с мятой и ведет в планшете дневник. В понедельник он разбрасывает газеты, во вторник прячет пульт, в среду помогает его находить. Главное, как говорит Кузя, баланс.

А по ночам, когда все крепко спят, он все равно тайком начищает полы до зеркального блеска. Просто потому что обожает смотреть в них на свои клетчатые тапочки и довольно улыбаться своему отражению.

Чихуахуа Софа

Сказка о чихуахуа Софе, которая хотела быть большой
Жила-была чихуахуа Софа. Маленькая, дрожащая, с

огромными ушами и вечно обиженным взглядом. Весила полтора килограмма, а лаяла на все пять.

Софа смотрела во двор на соседского овчарку Германа. Большой, лохматый, важный. Его все боялись. А Софу все тискали.

— Я тоже хочу быть страшной, — заявила она однажды.

Герман услышал и засмеялся:

— Ты? Ты даже моего хвоста не достанешь.

Софа обиделась. Решила: «Стану большим и ужасным псом, даже если сейчас влезаю в сумочку».

Начала тренироваться. Каждое утро десять прыжков на диван. Каждый вечер рычать на тапки. Лаяла так громко, что у соседей телефон от вибрации звонил.

Ничего не менялось. Всё так же помещалась в карман куртки и дрожала на ветру.

На прогулке к ней подбежал огромный бульдог. Софа замерла. Сердце колотилось. Вжалась в землю, прижала уши и залаяла. Так пронзительно, что бульдог остановился, удивился, почесал ухо и ушёл.

— Чего он испугался? — спросила Софа у Германа.

Герман посмотрел на неё:

— Он не испугался. Он просто не понял, что это за странный звон. Ты не страшная. Ты громкая. Это другое.

Софа чуть не заплакала. Но вечером хозяйка взяла её на руки, прижала к груди и сказала:

— Ты моя маленькая грозная защитница.

Софа подумала: «Если я грозная для неё, значит, уже что-то делаю правильно».

С тех пор она не пытается быть овчаркой. Она просто лает на всех, кто подходит к хозяйке. В сумку помещается, но нос у неё, как у большого пса. И дрожит она теперь не от страха, а от важности.

Молодильное яблочко

В саду у бабушки Матрёны росла яблоня. Но не простая, а волшебная. Раз в сто лет на ней созревало одно-единствен-

ное яблоко — молодильное. Кто его съест, тот сразу станет молодым и красивым.

Все яблоки вокруг знали об этом и ужасно завидовали. Антоновка фыркала, Симиренко обиженно зеленела, а мелкие ранетки и вовсе шептались, что от молодильного яблока, небось, живот болит.

Но яблочко росло себе и росло. Наливалось соком, покрывалось румянцем и мечтало. Оно очень хотело сделать кого-нибудь счастливым.

Однажды утром пришла бабушка Матрёна. У неё болела спина, и она опиралась на палочку. Яблочко обрадовалось, думало, что сейчас бабуля его съест и станет молоденькой. Но бабушка посмотрела на яблочко, вздохнула и сказала, что она и так прожила хорошую жизнь, а яблочко пусть лучше внучка съест, когда приедет. И ушла, шаркая тапочками.

Яблочко расстроилось. Его сто лет растили, а оно никому не нужно.

Приехала внучка Даша. Молодая, симпатичная, но ужасно замученная учёбой. Она увидела яблочко, схватила его и уже поднесла ко рту, но тут зазвонил телефон. Это звонил её парень, и они поссорились. Даша швырнула яблочко обратно на траву и убежала в дом.

Яблочко лежало в траве и чуть не плакало от обиды.

Ночью из норы вылез старый-престарый крот. Он еле ноги волочил, усы у него побелели, а очки держались на пластыре. Он увидел яблочко, понюхал и прошептал, какая красота, и

откусил кусочек.

И в тот же миг крот не стал молодым. Вместо этого он ощутил в груди такое тепло, что ему захотелось обнять весь мир. Он починил мостик через ручей, посадил сто цветочных луковиц и до утра читал вслух стихи светлячкам.

А наутро бабушка Матрёна вышла в сад и ахнула. Крот, который вчера еле дышал, сегодня носился по грядкам с лейкой и напевал.

Бабушка, сказал крот, улыбаясь до ушей, ваше яблочко не молодит тело. Оно молодит душу. И это гораздо лучше.

Яблочко гордо сияло на траве. Ему оставалось всего полбока, но оно было довольно. Оно всё-таки сделало кого-то счастливым. И пусть не на сто лет, а на одну ночь, но зато эти сто лет и не нужны.

Теперь каждый год на той яблоне вырастает новое яблочко. Но оно совсем простое. Потому что молодильная магия перешла к кроту. Теперь он по ночам обходит сад и шепчет цветам, что главное, чтоб душа не старела, а тело и так симпатичное.

Обида

Жила-была на свете Обида. Маленькая, колючая, похожая на репей. У неё не было ног, но она умела цепляться. Заце-

пится за чей-нибудь рукав и сидит, не отцепишь.

Больше всего на свете Обида любила селиться в девочке Ане. Аня была доброй, но очень чувствительной. Если кто-то не уступал ей место в автобусе, Обида уже тут как тут. Вцепилась в подол платья и разрастается.

Сначала она была маленькой, с горошинку. Аня просто хмурилась. Но Обида питалась слезами и росла. Стала с яблоко, Аня уже не разговаривала с мамой. Стала с арбуз, Аня перестала замечать солнце за окном.

Обиде было хорошо. Она сидела в груди у Ани и командовала: «Не прощай, не мирись, помни, как тебе было плохо».

Однажды Аня шла по парку и наступила на маленький жёлудь. Жёлудь пискнул. Аня остановилась, подняла его и увидела, что он треснул.

— Бедненький, — прошептала Аня. — Кто ж тебя так?

А жёлудь вдруг сказал человеческим голосом:

— Это я сам. От обиды. Со мной никто не дружил, и я треснул.

Аня прижала жёлудь к груди, прямо туда, где сидела Обида. Обида вздрогнула от тепла. Ей стало тесно.

Аня погладила жёлудь пальцем и сказала:

— Знаешь, я тебя понимаю. Я тоже вся в трещинах. Вот тут обида на подружку, вот тут на папу, что не пришёл на концерт.

Она говорила, а Обида внутри неё вдруг начала умень-

шаться. Потому что Аня не плакала, а рассказывала. Не прятала обиду, а показывала её маленькому жёлудю.

К вечеру Обида стала с горошинку. Аня посадила жёлудь в землю и полила его той самой водой, которую обычно оставляла для слёз.

Прошла неделя. Аня ходила по парку и вдруг увидела молодой дубок. Тоненький, зелёный, он тянулся к небу. На веточке у него висела крошечная записка: «Спасибо, что не спрятала свою трещину, теперь у меня есть силы расти».

Аня засмеялась. И в этот момент Обида, которая совсем усохла до булавочной головки, выпала из её груди и упала на землю. Упала и... превратилась в маленький жёлудь. Только не колючий, а гладкий.

Аня подняла его и прошептала:

— Ну что, иди к своим. Будешь дубом.

Она закопала жёлудь рядом с первым. А дома, перед сном, достала тетрадку и написала: «Обида не враг. Она просто просит, чтобы её заметили. А если её заметить и погладить, она становится семечком».

Теперь у Ани в парке растёт две молодых дубка. Она приходит к ним каждый день и говорит:

— Привет, мои трещинки. Спасибо, что научили меня прощать.

А Обида больше не возвращается. Потому что поняла, что в солнечной груди ей не место. Там растут сады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.